

КУЛЬТ И КУЛЬТУРА

«Сыграть Христа невозможно»

Я играю не Иисуса, а героя романа Булгакова, говорит артист Сергей Безруков

Дмитрий Урушев

Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» — одно из интереснейших и самых таинственных произведений русской литературы XX в. Режиссеры театра и кино неоднократно обращались к этой загадочной книге. Сейчас режиссер Владимир Бортко заканчивает работу над новым фильмом по роману Булгакова. В этом фильме роль Иешуа Га-Ноцри (Иисуса) исполняет заслуженный артист России Сергей Безруков. О своем духовном пути, о восприятии образов булгаковского Иешуа и евангельского Иисуса актер рассказал в интервью «НГР».

— Сергей Витальевич, сейчас вы работаете над ролью Иешуа Га-Ноцри в фильме по роману «Мастер и Маргарита»... Что это значит для вас лично, приближает ли это вас к пониманию Христа?

— Не хотел бы ничего загадывать, но роль Иешуа, — безусловно, очень серьезный этап в моей жизни. Отвечу по-есенински: «Лицом к лицу — лица не увидать, Большое видится на расстоянии».

А потом я ведь не играю Христа. Его сыграть невозможно. Более того, это не под силу ни одному актеру на земле, ибо все мы простые смертные люди, а Он был Богом. Единственное, что можно сделать, — это попытаться сыграть наше представление о Нем. Иешуа Га-Ноцри — в первую очередь литературный герой. А каким он получится в фильме, зависит теперь от Владимира Бортко, от его режиссерского представления. Лично для меня, если вспомнить Пауло Козльо, Иешуа — это Воин света...

— Считаете ли вы себя религиозным человеком?

— Наверное, каждый человек до какой-то степени религиозен.

Сергей Безруков: «Лично для меня Иешуа Га-Ноцри — это прежде всего Воин света».

Фото FX DESIGN GROUP INT

Ведь практически во всех жизненных ситуациях мы упоминаем имя Бога. Даже самый ярый атеист в течение жизни много раз произносит слово «Господи». Что касается актеров, то многие из них религиозны. Ведь когда играешь другого человека, начинаешь жить его жизнью, то есть так или иначе входишь в область подсознания, в «тонкие миры».

Поэтому, прежде чем взяться за какую-нибудь роль, актер обращается к Богу. Может быть, он молится не так, как истово верующий — по молитвеннику, а своими словами. Но все равно это молитва. Актеры — люди вообще-то суеверные... Я понимаю, суеверие и вера — это разные понятия, друг друга взаимоисключающие. Но для актера суеверие и вера в Бога — понятия очень сходные. Актер может из суеверия искать гвоздь на сцене, смотреться в зеркало, но в душе он все равно верующий.

Не могу сказать, что я религиозен в том смысле, который принято вкладывать в это слово. Я верю в Бога, который есть Любовь. Я хожу в церковь, меня туда тянет. В Кузьминках рядом с моим домом есть храм Влахернской иконы Божией Матери, и при первой же возможности мы с женой ходим туда. Правда, порой мешают, когда в храме меня узнают. Приходишь пообщаться с Богом, а люди начинают отвлекаться. Как-то мы были в Киево-Печерской лавре, и было жутко неудобно, когда стоишь перед мощами святого, а на тебя показывают пальцем и говорят: «Ой, смотри, Саша Бельский...»

Перед выходом на сцену я всегда крещусь. Я православный, и мне это помогает. Самую главную молитву из всех, которые существуют, «Отче наш», по-моему, должен знать каждый, даже и не очень религиозный человек.

— Ваши предки жили на вольных волжских просторах в местах, традиционно заселенных старообрядцами.

Были ли среди них староверы?

— Вполне возможно, скитов по заволжским лесам было много, почему бы и нет. Тем более рядом с городом Лысково Нижегородской области.

Молитву «Отче наш», по-моему, должен знать каждый, даже и не очень религиозный человек

городской губернии, откуда, собственно говоря, и берет начало мое родовое древо, находится село с необычным названием Исады. В нем до сих пор сохранилась старообрядческая церковь. Да и само Лысково расположено прямо на берегу Волги. Переплываешь и сразу же попадаешь в Заволжье — в скиты. Макарьевский монастырь — опять же рядом.

— В спектакле «Ведьма» по рассказам Антона Чехова, где вы играете главную роль дьячка Емельяна, звучат песни на стихи иеромонаха Романа (Матюшина). Как вы познакомились с его творчеством?

— Случайно. Увидел в одной церковной лавке аудиокассету и купил. Понравилось. Купил еще. В результате у меня целое собрание его песнопений.

— А как возникла идея ввести в спектакль его песни?

— Мой герой дьячок Емельян — песнопевец. Он поет и молитвы, и просто духовные песни. Емельян — не просто исполнитель, он — автор своих песнопений. Поэтому и возникла мысль использовать в спектакле песни отца Романа. Сейчас он живет отшельником в Псковской губернии и никого не принимает. И иными словами как чудо я не назову тот факт, что отец Роман принял двух представителей театрального агентства «Арт-партнер XXI», выпустившего спектакль

«Ведьма», с моим сопроводительным письмом и благословил на исполнение песен.

Творчество отца Романа — исповедальное. В нем велико желание разобраться в самом

себе, в своих мыслях, чувствах, в своей любви к Богу.

В нашем спектакле звучат только четыре его песни, хотя на студии было записано гораздо больше. Поэтому возникла идея выпустить альбом с песнями, как вошедшими, так и не вошедшими в спектакль. Этот диск, созданный при поддержке агентства «Арт-партнер XXI», мы назвали «Страсти по Емельяну». Для меня очень важен православный текст этих песнопений, и хочется, чтобы их услышала молодежь.

— Труд актера — тяжелый и эмоциональный... Что помогает вам обрести душевный покой после спектакля, подготовиться к новой роли? Помогает ли вам в этом церковная служба?

— Конечно, помогает. Мне особенно нравятся храмы XVI-XVII веков. Я побывал во многих церквях по Золотому кольцу, очень люблю Макарьевский монастырь, там божественная энергетика. Входишь в храм, замираешь и слышишь, как бьется сердце. Завораживает все: и песнопения, и потрескивание горящих свечей. Не так давно мы были на гастролях в Израиле, и, конечно, я побывал в храме Гроба Господня.

Когда я оказался там впервые в 1995 году, было просто столпотворение: экскурсии по двадцать человек, одна за другой... И тогда у меня осталось неприятное ощущение, потому

что все это напоминало экскурсию в Горках Ленинских, когда экскурсовод говорит: «Вот это — пальто, простреленное эсеркой Каплан, а это чайник, из которого пил Владимир Ильич...»

Меня жутко раздражало, когда в абсолютно такой же манере и с той же интонацией нам говорили: «Вот здесь положили Иисуса Христа, вот здесь гвозди забили...» Это было просто невыносимо! Мне хотелось прикоснуться к святыням, а поскольку было огромное количество народу и все торопились, этого не случилось.

На сей раз нам повезло, возможно, потому, что люди боятся туда ехать из-за терактов с арабской стороны. В храме Гроба Господня практически никого не было. Нас сопровождал замечательный экскурсовод, который много и интересно рассказывал о зарождении христианства. И само ощущение было космическое, божественное! Ощущение той самой долгожданной тишины. Было очень тихо, торжественно, и ничто не мешало зайти в пещеру, куда положили Христа...

— Над какими ролями вы работаете сейчас?

— Над ролью Сергея Есенина в фильме-сериале «Есенин» на телеканале ОРТ. В 2005 году исполняется 110 лет со дня рождения поэта. Ответственность на нас лежит колоссальная: каким мы покажем Есенина, таким его и будут воспринимать. Существует масса догадок, версий и распространенных клише. Мы забываем, что он был гением, потрясающе образованным человеком. Ему было всего 30 лет, когда он погиб, а сколько он успел всего создать!

Хотелось бы найти оптимальный вариант и сыграть глубокий образ русского Гамлета, а не допившегося до белой горячки самородка, писавшего в основном о березках и коровах. Такое мнение о поэте для меня прежде всего кощунственно и противно.